

Анатолий Курчаткин

ЗАПИСКИ ЭКСТРЕМИСТА

строительство метро в нашем городе

строительство метро в нашем городе

Анатолий Курчаткин
Записки экстремиста

«Автор»

1988

Курчаткин А.

Записки экстремиста / А. Курчаткин — «Автор», 1988

ISBN 5-239-01568-6

Метафорический реализм – так можно определить тип прозы, к которому принадлежит роман «Записки экстремиста». Условная действительность, воссозданная в романе, суть та же реальность, которая окружает нас всех, но внутри этой реальности, как то и бывает в жизни, существует некая ирреальная составляющая – умение увидеть ее, проникать в ее непроницаемую глубину, развернуть перед читателем ее смыслы и отличает писательское зрение Анатолия Курчаткина. Город, в котором живут герои «Записок экстремиста», может быть любым большим российским городом. Он задыхается от транспортного коллапса, люди ездят в переполненных трамваях, троллейбусах, автобусах, висят на подножках, на крышах, а отцы города не желают предпринимать никаких действий для решения проблемы. И когда в городе происходит взрыв социальной активности, власть не находит ничего лучшего, как бороться с нею грубой силой. Но сила противодействия, как известно, равна силе действия... В статье о Льве Толстом другой классик русской литературы Николай Лесков сказал, что «писатель пишет смыслами». Эти слова в полной мере относятся к Анатолию Курчаткину. Написанный еще в 1988 г., роман «Записки экстремиста» и сегодня читается так, словно он написан о сегодняшнем дне.

ISBN 5-239-01568-6

© Курчаткин А., 1988

© Автор, 1988

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анатолий Курчаткин

Записки экстремиста

© А. Курчаткин 2017

* * *

Глава первая

1

Мне было тогда немного за двадцать, я только что отслужил в армии.

Кто знает это чувство свободы, что пьянит и кружит голову после казарменного затворничества, тот поймет меня. Человеку, обуянному этим чувством, под силы своротить горы и повернуть реки, было бы лишь кому поставить перед ним подобную цель.

– Слышал? – сказал отец, бросая мне обмявшуюся в его руках, всю в заламах и перегибах «Вечерку», нашу вечернюю городскую газету, – из всех газет в ту пору я заглядывал в нее одну: там печатали всякие затейливые статейки «На тему морали», рекламу фильмов на предстоящую неделю с пересказом их содержания и заметки «Из зала суда». – Метро у нас строить будут.

– Ну да?! – довольно экспрессивно, должно быть, воскликнул я, с горячностью гончей зарываясь взглядом в мешанину теснящих друг друга заголовков. – Где напечатано?

– Да вон, «Метро в нашем городе, на третьей странице, – сказал отец.

Я увидел. «Метро в нашем городе» стояло жирно над небольшой заметочкой, и там сообщалось, что город наш давно уже задыхается без современного вида транспорта, что терпеть подобное положение дальше нельзя, и принято, наконец, решение о начале изыскательских работ, о подготовке проекта и, возможно, лет через пять-шесть можно будет приступить к строительству.

– Ну-у, через пять-шесть, – разочарованно протянул я, отбрасывая газету.

– А что же ты думал? Проект сделать, в рабочих чертежах исполнить да ассигнования получить... да если через шесть лет – так это хорошо, – сказал отец.

– А что, и больше может пройти?

– Спокойно, – сказал отец. – Не знаю я наши сроки, что ли. Десять лет – хочешь? А то и пятнадцать.

Десять? Пятнадцать? Замогильным холодом, зияющим космическим мраком пахнуло на меня от этих цифр. Мне было двадцатьс небольшим, и «пятнадцать» – это равнялось едва не всей моей жизни, а она была такой большой, долгой, так далеко отстояли в ней «я», начавший удерживать себя в памяти, и «я» нынешний... ждать метро еще почти столько же, сколько я уже прожил. И не самого метро, а только начала строительства!

Нет, я не мог ждать.

Может быть, я и не принял бы так близко к сердцу газетное известие, если бы не один случай.

По утрам, в час пик, на остановках трамваев, троллейбусов, автобусов в нашем городе творилось светопреставление. Там натекали обычно целые людские озера; трамваи, троллейбусы, автобусы подходили один за другим, целыми косяками, и вычерпать эти озера никак не могли. Двери у них не закрывались, несмотря на громыхающую ругань водителей в динамиках, потому что на каждой из подножек висело по целой людской грозди; и по целой грозди висело на горбатом троллейбусном загривке с лестницей на крышу, и на трамвайной «колбасе», и даже на гладком автобусном задке, где вроде совершенно не за что уцепиться, даже там ухитрялись повиснуть два-три пэтэушника.

Н трамвайной «колбасе» и троллейбусном загривке ездил неоднократно при нужде и я сам. Ездил себе и ездил, эго дело – на «колбасе», подумаешь, и я думать не думал о транспортных бедах нашего города. И так вот я ехал однажды на этой железной штанге – удобно

утвердись на ней обеими ногами, – а рядом со мной, с краю, ехал пожилой мужчина. Двум его ногам места на штанге не было, и он стоял на ней лишь одной, а другую пристроил на каком-то еле заметном выступе трамвайного тела. Мы еще с ним говорили о чем-то, коротая путь, он отнял руку от железного прута, за который держался, чтобы почесать нос, и тут трамвай, как это с ними бывает на поворотах, резко и сильно болтануло. Нога мужчины сорвалась с еле заметного выступа, пальцы второй руки, не очень, видно, крепко сжимавшие прут, разжало, и его, развернув в воздухе, сбросило на соседнюю колею, и страшно заверезжавший тормозами встречный трамвай подмял его под себя. А моя рука запомнила судорожное гребущее движение, каким инстинктивно, помимо моей воли, хотела ухватить мужчину, не дать ему упасть, но в горсть ей попал только голый воздух.

– Чего это тебе десять, пятнадцать лет – долго? – спросил отец. – Доживешь, чего тебе это долго. Еще и не старым будешь. Это вот мы с матерью... мы едва ли дотянем.

Отец у меня был человеком весьма не сентиментальным, скорее грубоватым даже, что шло, должно быть, от его профессии хирурга, а в его обращении со мной всегда сквозило словно бы некое пренебрежение сильного к слабому.

– При чем здесь это – доживу, не доживу? Разве только в том дело, чтобы самому прокатиться? – сказал я.

– Да? А в чем еще? – спросил отец.

Я не стал отвечать ему. Меня покорила его интонация. Будто он делал, делал какую-то операцию и вдруг обнаружил что-нибудь вроде второй селезенки или третьей почки: «А это-то откуда?!»

Но в голове у меня в тот момент уже возник план. Вернее, не возник, а просто я услышал внутри себя словно бы некий хлопок, словно бы несильный, но явственный взрыв, и сквозь волнуемое дымное облачко его просквозили туманно очертания этого самого плана. Минул день, другой, облачко мало-помалу рассеивалось, и детали того, что оно окутывало, проступили отчетливо и резко.

Я тогда учился в университете, на философском, восстановившись в студентах после своего армейского отсутствия. Но, видимо. Каждому овощу свое время, вот и мне приспела пора учить диалектику не только по Гегелю. А если б не так, разве бы отдалась во мне эта новость о метро таким яростным желанием действия, разве бы это желание отлилось в такую конкретную, твердую форму?

Через неделю, уйдя с лекции после второй пары, чтобы был самый разгар дня, полуденная пора, я стоял у парадного подъезда массивного серого здания, за высокими дубовыми дверями которого, с подножием из широкой гранитной лестницы, скрывалось святилище городской власти. На груди и спине у меня, скрепленные переброшенными через плечи веревками, висело по транспаранту. На одном из них я написал: «Хватит трамвайных жертв!» «Метро нужно городу немедленно!» – было написано на другом.

Вместе со мной на демонстрацию к дому власти вышло еще пять человек. Оказывается, не одного меня это сообщение о метро потрясло как током, оказывается, у многих уже *горело*, и найти единомышленников не составило большого труда. Двое из этих пятерых были моими товарищами по курсу, так же, кстати, как я, отслужившие недавно срочную в армии; они умудрились раздобыть где-то красную материю, раскроили ее, укрепили на древках и стояли сейчас на нижней ступени лестницы, высоко подняв над головой полотнище: «Оттягивать строительство метро – преступление!»

У стража порядка, вынырнувшего из двери и сбежавшего к нам по лестнице, был совершенно обескураженный вид.

– Чиканулись, ребята? – спросил он. – Я сейчас сообщу, вас хаметут, жизни вам больше не будет! Уносите отсюда ноги, пока добром говорю.

Никто из нас не отозвался на его слова. Мы заранее решили поступить именно так. Что попусту тратить силы? Разговаривать мы собирались только с представителями властей.

– Ребята, – сказал страж, – второй и последний раз говорю: смывайтесь добром. Не будет жизни!

Он не особо повысил голос, так, не очень громко сказал, но в толпе, что уже собралась в отдалении на тротуаре, услышали.

– А что ты их стращаешь! – закричали оттуда. – Они что, окна бьют? Стоят себе и стоят! А без метро и так никакой жизни нет, что, не так, что ли?!

– Я предупредил, – сказал страж и пошел быстрым шагом по лестнице вверх.

Он скрылся за высокой тяжелой дверью, и из толпы нам стали советовать:

– Сматывайтесь, ребята! Постояли и хватит! Вам что, ребята, не жаль себя, что ли?!

Жаль, жаль себя было – ужас как. Страшно было – не описать, потому что будто в пропасть ступил, знал, что в пропасть, и ступил, и вот завис на мгновение в воздухе – и сейчас грянешь вниз... а и восторг был в этом диком страхе: и гряну!

Из шестерых нас все же осталось четверо. Двое не одолели своего страха; будто переминаясь с ноги на ногу, пряча друг от друга глаза, они отделились от нас на шаг, другой, третий... и смешались с толпой.

А нас четверых через некоторое время отвезли в отделение, составили протокол о нарушении общественного порядка, и ночь мы провели в камере.

Глухое, смертельное отчаяние навалилось на нас, когда мы оказались в ее каменном мешке. Все наши силы ушли на то, чтобы отстоять свое у дома власти, перемочь свой страх, не броситься в толпу следом за теми двумя, и на борьбу с отчаянием ничего не осталось, никаких сил. Отсюда, из замкнутого тесного пространства с узким отверстием в мир, забранном решеткой, с пронзительной, вынимающей душу ясностью увиделось то, о чем до нынешнего момента никто из нас не догадывался: жизнь разломилась для нас на ту, что была *до*, и ту, что настает *отныне*. И эта новая жизнь, которой отныне нам предстояло жить, была сплошным мраком, черной неизвестностью, бездонным провалом в кромешную темь...

2

Утром нас выпустили, взяв подписку о невыезде.

Отец, когда я вошел в дом, сидел на табуретке в прихожей. Было похоже, он просидел здесь, ожидая меня, все это время – с той самой поры, как нас привели в отделение и, проверяя сообщенные мною сведения о себе, позвонили по телефону домой. Видимо, он не пошел нынче и в больницу – хотел дожидаться меня. Правая его рука, большая, белая, ухоженная рука хирурга, свисала с колена с каким-то таким видом, будто собиралась сейчас же вкатить мне оплеуху.

Наверное, он и хотел вкатить мне оплеуху. Но удержался.

А вот от крика не удержался. Нет.

– Свистун! – кричал он мне. – Тарахтелка пустая! Да мало ли где кого как задавит! Ко мне привозят: на линолеуме в квартире у себя поскользнулся – и перелом основания черепа! Против производства линолеума теперь выступишь?! А еще один в патрон палец сунул, контакт отжимал, его током тряхнуло, еле отходили – против электричества станешь бороться?

– Не путай хрен с редькой, – сказал я.

– А их и путать нечего! – немедленно ответил он мне. – Одного другого не слаще! Дело свое нужно делать! Дело! Свое! Ясно? И станет каждый делать свое дело, вот и будет все толком. И метро вовремя, и люди живы! А вот такие, как ты, лезут не в свое дело – и выходит бардак! Бардак, запомни, заруби себе на носу!..

Я ушел из дома. Не знаю, как бы поступил на моем месте другой. Я ушел. После такого я не мог оставаться.

Из университета я не уходил. Оттуда меня вышибли. Как и двух моих товарищей-сокурсников. А четвертый, приятель одного из моих сокурсников, работавший инженером на одном из заводов нашего города, угодил под срочно разразившееся сокращение штатов.

Урок нам был преподан что надо. Никому я не пожелаю такого урока.

Но произошло необыкновенное.

На что никто из нас не рассчитывал.

О чем мы и думать не думали, потому что, выходя на ту демонстрацию, даже не смели заглядывать вперед: а что будет после? Дальше самой демонстрации мы не загадывали.

Но она, оказывается, явилась тем самым крошечным, малым кристалликом, что, попав в перенасыщенный раствор, вызывает бурную и уже неостановимую реакцию.

Спустя неделю после нашей демонстрации у дома власти состоялась новая. Ее пресекли точно так же, как и нашу. Но тогда, спустя еще недолгое время, по всему городу появились листовки. Их находили на подоконниках в подъездах домов, на садовых скамейках, в укромных уголках магазинных прилавков. В листовках повторялись все наши лозунги и предлагалось, как там было написано, всем честным гражданам города в ближайшее воскресенье выйти на улицы и прошествовать к дому власти на митинг, чтобы там потребовать от властей ускорения строительства метро. И еще поползли, переходя из уст в уста, слухи, будто бы все изыскательские работы давным-давно проведены и давно существует даже рабочий проект метро, однако по непонятной причине он положен под сукно и лежит там уже который год, а недавнее сообщение в газете – абсолютно ложное сообщение, и цель его, скорее всего, – дезориентировать тех, кто о том проекте знал, кто, судя по всему, и вышел на ту, первую демонстрацию.

Слухи эти нас четверых немало повеселили. «Не совсем еще дезориентировался? Понимаешь, что к чему, откуда дети берутся?» – так примерно шутили мы теперь друг с другом. Мы теперь, всем четверо, были постоянно вместе, сняв для жилья пустующий дом в пригороде; случившееся спаяло нас, как вольтовой дугой.

«Вольтово братство» – так мы себя и называли. Вообще после той ночи в камере у нас как-то сразу пошли в ход прозвища, и я стал Философом, мои товарищи по курсу, милостиво уступившие мне право зваться им, как мог бы каждый из них, сделались Магистром и Деканом, а четвертый как единственный среди нас с техническим образованием, разумеется, получил прозвище Инженера.

В воскресенье, еще задолго до означенного в листовках времени, мы отправились к дому власти. И только тут, оказавшись на улицах, прилегающих к площади, на которой стоял массивный серый дом с широкой гранитной лестницей парадного подъезда, мы поняли, какую реакцию запустили. Улицы были полны народом. И все шли только в одну сторону, к площади.

А сама площадь была уже вся запружена толпой, и свободное пространство осталось лишь около массивного серого дома – потому что вокруг него, на расстоянии метров пятнадцати, стояла цепь солдат. Солдаты были молодые ребята, как сам я год-два назад, и на лицах у них горело выражение опасливого, затаенного любопытства.

Найти бы их, кто это все организовал, переговаривались мы друг с другом. Вместе бы с ними...

Те, кто это организовал, обнаружили с полчаса спустя.

Вдруг в одном из концов площади над колышущейся толпой возвысилась человеческая фигура, рассекла воздух митинговым жестом руки, выкрикнула что-то – и вся площадь разом подалась туда, в короткий миг уплотнившись в жаркий, тугий человеческий ком.

Кто не знает этого восхитительного, великолепного единения с тысячной толпой, полного, до последнего атома твоего тела слияния с многоруким, многоглавым ее телом, когда ты сам по себе, как отдельная личность, становишься ничем, перестаешь существовать, сделавшись собственно толпой, ее силой, ее желаниями, ее волей... кому не довелось изведать этого чувства, мне очень жаль того...

Коротко стриженные, гладко выбритые молодые люди с военной выправкой, одетые в гражданское, рвались через толпу к человеку, поднявшемуся на какое-то возвышение, но толпа не пропускала их. Они завязли в толпе, как в топком болоте, били локтями и пинали ногами, но тумаки посыпались и на них, и они увязли.

И тогда кто-то из них выстрелил. Раз. И другой.

Должно быть, он выстрелил в воздух, но когда стреляют так рядом, так близко, то кажется, будто стреляли в тебя. И если не попали сейчас, то следующим выстрелом попадут наверняка.

Дикий, страшный вопль разодрал воздух над площадью. Все разом зашевелились, заворочались, толпа пришла в движение и стала разваливаться, а еще через мгновение все вокруг бежали. И только те, коротко стриженные и одетые в гражданское, бежали к центру толпы, а не от нее, стремясь, должно быть, взять того, стоявшего на возвышении.

Велика сила толпы: захваченный ее инстинктом, бежал и я, растеряв по дороге своих товарищей.

Потом я шел в одиночестве по улице, и меня мял, скручивал душу жгутом нестерпимый стыд. Не с площади я должен был бежать, а туда же, куда и эти коротко стриженные, быть вместе с теми, к кому они рвались, присоединиться к ним, разделить их долю...

Кто-то тронул меня сзади за плечо и назвал по имени.

Вздвогнув, я повернулся.

Передо мной стоял крепкий рослый парень, мой сверстник, и я подумал, что, если это один из тех, одетых в гражданское, мне с ним не справиться и не убежать от него.

Однако я отозвался на свое имя. Кем бы он ни был, чего уж тут было таиться, раз он знал, кто я.

– У вас взгляд такой характерный, – сказал он. – С таким прищуром... Я вас по взгляду узнал. Мы вас ищем все это время, никак найти не можем.

Я выжидающе смотрел на него, не отвечая. На этих коротко стриженных он не был похож. Но кто «мы», почему искали и как он мог узнать меня по взгляду, если мы с ним не знакомы и я вижу его впервые?

– Сегодняшнее – это наша работа, – сказал он, усмехаясь и кивая в сторону площади. – А вы студент, в первой демонстрации участвовали, мы ваши фотографии даже достали, а вас самих – нигде: ни дома, ни на учебе.

– А кто еще был со мной? – недоверчиво спросил я.

Он назвал мне имена всех остальных.

– Это откуда ж у вас такие сведения?

Теперь он засмеялся:

– Думаете, это сложно? Нужно только заняться!

3

Грузноголового пожилого человека с яркими серыми глазами в зарослях его буйной, вольно растущей седой бороды все называли Волхвом. И для меня он тоже на всю жизнь остался Волхвом, хотя, конечно, никогда я к нему так не обращался.

Вот говорят: поколение романтиков, поколение циников, поколение прагматиков – я в это не верю. Поколение не бывает монолитно-единым. Просто из-за условий времени на

виду бывает какой-то один человеческий тип, а изменится время, и глядишь, поколение делается другим. И никакого тут чуда. Это всплыл на поверхность совсем иной тип. И лишь. Мой отец и Волхв были людьми одного поколения, но ничего общего между ними не было. Ничего!

Крохотная его бедная комнатуха вмещала в свой коробок диван, несколько стульев, старый овальный стол, служивший ему и для еды, и для работы, подпотолочные стеллажи с книгами вдоль одной из стен – и это все.

Будто всего лишь вчера случилась, вижу я ту, первую встречу с ним нашего Вольтова братства.

Он многое тогда объяснил нам. Мы были настоящими слепыми щенками до его рассказа.

Оказывается, наше метро, еще не начавши строиться, уже имело целую историю!

– Сообщение об изыскательских работах – вот, – положил Волхв на стол перед нами изжелтившую, ломкую газетную вырезку. – Единственное сообщение в строительной многотиражке. Какой у нее тираж? Неудивительно, что никто не знает. А вот и свидетельство об имеющемся проекте, – подал он нам лист фотобумаги, и это оказалось фотокопией титульного листа документа, который имел название «Смета на строительные-монтажные работы по сооружению метрополитена в городе...», и в числе прочих – ясно и четко выведенную подпись нынешнего главы города. – Не было бы проекта, не было бы, разумеется, и сметы, – сказал Волхв. – Но есть и другие свидетельства. Вот такое, между прочим. – Он достал из папки захрустевший под его руками лист белейшей лощеной бумаги, развернул его – это был ответ городского отделения Стройбанка на обращение гражданина такого-то, то есть самого Волхва, в котором Стройбанк сообщал, что финансирование работ по строительству метрополитена прекращено в связи со специальным постановлением городских властей.

Он имел их целую кипу, таких вот официальных бумаг. И в большинстве сообщалось одно и то же: да, метро городу, безусловно, необходимо, но вопрос о нем находится пока на стадии обсуждения, – и так уже чуть ли не десять лет все минувшие годы. Они были похожи друг на друга, как дождевые капли, все эти ответы. Отправленные из разных мест, истинное свое рождение они все получали в каком-то одном месте.

И наверное, если бы не сумасшедшее упорство, с которым Волхв продолжал стучаться во все ответственные двери, напоминая о давнем сообщении не ведомой никому многотиражной газеты, так бы вся эта история со строительством метро и легла на дно Леты каменным грузом, исчезла навсегда под ее темными водами, будто ничего и не было. Но, видимо, его сумасшедшее упорство и впрямь показалось кому-то маниакальным, и после очередной его беседы в высоком кабинете было решено покончить с ним, наконец, раз и навсегда, опубликовав ту самую, десятилетней давности информацию о метро из многотиражки в газете большой. Должно быть, человеку из высокого кабинета помнилось это очень удачным и полным иронии ходом: жаждете широкой информации? Вот она! А то, что она лишь повторяет ту, прежнюю, – что ж такого! Вы хотели – и получили! Чем владеем, то и даем!

Но это-то Волхву и было нужно. Эффект от публикации сообщения оказался именно таким, на какой он и надеялся. Единственно, чего он не знал: какова будет реальная форма действий? И уж тем более не знал, что за люди предпримут их.

– Но почему все-таки, – спросил я, – было принято постановление о прекращении работ?

В ярких серых глазах Волхва загорелся черный огонь.

– Я очень долго задавался этим вопросом, молодой человек. Пытался понять: может быть, какие-нибудь ошибки в проекте, нехватка средств... Но об этом никто никогда ни в одном ответе даже не помянул. Хотя, казалось бы, чего проще: вот причина, и вали на нее. А потом, наконец, до меня дошло: оно им просто не нужно, метро. Вот он, ответ: просто

не нужно! Они ведь не ездят трамваем. Ни трамваем, ни троллейбусом, ни автобусом. Они персоналками ездят. На мягких сиденьях. Так зачем им метро? Такое строительство, такие заботы, такой хомут на шею... Зачем?!

– Логично, – сказал Магистр. – И убедительно. Я лично другого объяснения тоже не вижу.

Черный огонь в ярких глазах Волхва обжигал почти физическим жаром.

– Мы должны взять ситуацию в свои руки, – медленно, внушающее, по очереди оглядев нас всех, проговорил он. – Если мы не сделаем этого, не видать городу никакого метро. Ни через пять лет, ни через пятьдесят. Наша задача сейчас – раскатать народ. А люди к тому готовы. Каждый приходит в этот мир, чтобы совершить в нем что-то. Кому выпадает маленькое дело, кому большое. Нам выпало большое. Возможно, оно потребует от нас всей нашей жизни. И что ж?! Если это действительно Дело, оно стоит того, чтобы положить на него жизнь.

Таковыми были интонации его голоса, что, когда он произнес «Дело», не возникло никакой необходимости добавить сакраментальное: «С большой буквы». Он сказал: «Если это действительно Дело», и последнее слово так и возвысилось над другими.

– Сейчас самое важное, чтобы они признались: существует проект! – с яростью выкрикнул Рослый – тот самый парень, что опознал меня на улице в день митинга. Крепкий и рослый, отметило тогда мое сознание, лихорадочно решая, как быть, как вести себя, если он из тех, коротко стриженных, и второе из этих определений, которыми я подумал о будущем своем ближайшем друге, срослось с ним навсегда. – Сумеет вынудить их признаться – заставим их, значит, в конце концов и начать строительство.

– Ничего подобного, – сказал Волхв. – Раз они не хотят строить, они будут кормить нас одними обещаниями... и ничего, кроме обещаний! Вынудить признаться – что да, есть проект, – это сейчас, конечно, важнее всего. Но потом... получить его – и начать строить самим, без всякого их благословения. Разжечь в народе энтузиазм, увлечь за собой! Стать землекопами, проходчиками, бурильщиками... кем там еще? Люди пойдут на нами, уверен!

Увлечь за собой! Стать землекопами, проходчиками, бурильщиками... Как он умел говорить! Какой силой, какой мощью веяло от его слов!

– Но как сделать, чтобы они признались в существовании проекта? – возбужденно спросил Декан. Его лежащие на столе руки, казалось, дрожали от еле сдерживаемого желания действия.

– Заставить! – сжав кулак, выбросил его перед собой Волхв. И снова по очереди оглядел нас всех. – Другого способа нет. Только заставить!

Глава вторая

1

Утро занималось туманное, сизо-холодное, мозглое утро осеннего дня, – но ударило солнце, и туман засквозил охрой, и отжившая свой срок, умершая листва деревьев радостно засветилась желтым, влажно заиграла трепещущей своей ячеей, уже основательно прореженной ночными ветрами.

Я стоял на краю котлована, распахнутое земное нутро щерилось вблизи рыжими прутьями арматуры, лохматыми досками опалубки, уже отлитыми бетонными ребрами стенок и перемычек, а за пределами пятнадцати – двадцати метров все утопало в этом огненно-сизом тумане, будто котлован был беспределен, уходил в бесконечность; и не было видно его дна. Там, в глубине, куда не доставали солнечные лучи, клубилась одна сырая холодная хмарь, и казалось, что земное нутро и в самом деле вспорото до самого чрева.

Метро строилось! Несмотря ни на что. Метро выгрызало себе в земле необходимые пространства, оно уже ушло внутрь ее со дна котлована наклонной узкой шахтой до половины проектной глубины! Три полных года отделяли нас от той поры, когда началась битва за него. Глядя со стороны, может быть, мы сделали совсем немного. Но на самом-то деле фантастически много было сделано. Оно строилось! Строилось! Несмотря на то, что власти по-прежнему не хотели того, а уж как они не хотели тогда! Но когда вулкан разбужен, сколько ни заливай ему жерло глиной, лаву не удержишь.

Меня окликнули.

Это был Декан.

– Вот ты где, – сказал он подходя. – Проверяешь с утра пораньше, на месте ли котлован?

Это у нас была такая подначивающая манера разговора. С той еще поры, когда мы волею обстоятельств слепились в наше Вольтово братство.

– Любуюсь, сэр – отозвался я в тон ему. – Красавец какой – гляжу не нагляжусь.

– Сходил бы лучше, брат, на охоту, подстрелил пожевать чего-нибудь, – потянулся, зевнул Декан. Вчера, как и всегда, легли мы поздно, ему наших обычных шести часов для сна не хватало, и с утра он ходил вялый. – Батя там к тебе приехал. На машине на своей, на дороге там у крайнего вагончика ждет.

– А ты чаечек поставь, если еще не поставлен, – обрадовано хлопнул я его по плечу. – Горяченький сейчас с домашней печенушкой попьем!

Отец ходил по обочине дороги около машины туда-сюда и, увидев меня, кинулся было в расчавканную грязь, но он был в ботинках и, дернувшись, остановился.

– Привет! – замахал он мне рукой.

Он очень изменился в своем поведении со мной. Первые признаки этого изменения появились тогда, когда наши имена стали известны всему городу, каждому человеку, разве что исключая младенцев, а уж потом, когда мы принудили власти считаться с нами, он сделался со мной вообще другим. Разговаривая со мной, он теперь постоянно жестикулировал, и движения его рук при этом были как-то неприятно суетливы и дерганы. Будто он чувствовал себя со мной неловко и старался скрыть свою неловкость от самого себя этой жестикуляцией.

Как и предполагал Декан, отец привез мне домашней стряпни. Мать испекла пирог с мясом, пирог с луком, пирог с яблоками и еще всякие сладкие булочки и печенье.

– Что-то совсем уже давно не появлялся, – сказал он, впрочем, не особо укоряющим тоном. – В самом деле, что ли, так некогда?

– Отец, спать времени нет – с казал я, вспоминая зевающего Декана.

Мы все – и Волхв, и Рослый, и наше Вольтово братство, и остальные два десятка человек, что составили в свою пору ядро дружины, бившейся за метро, – жили прямо здесь, на строительной площадке, не покидая ее практически уже несколько месяцев. Никто от нас не требовал этого, но это было делом принципа. Власти лишь дали согласие на строительство, но не более. Ни куба бетона не выделялось для стройки, ни грамма металла, ни единого метра леса. Все существовало на голом энтузиазме. Школьники собирали металлолом, металлурги ухитрялись дать лишнюю плавку, ремонтники в сверхурочную смену ремонтировали разливочные ковши – никто, естественно, не получая за свой труд ни копейки, – и так у нас появлялся металл для арматуры и тубингов, чтобы крепить туннельные своды. И так у нас появлялся бетон, и так появлялся лес для опалубки; И катушки с кабелем, что ждали своего часа на краю котлована, появились здесь таким же образом. Нанимать рабочих у стройки не было права, да и нечем было бы платить им, и копать котлован, пробивать штольню, бетонировать, плотничать, таскать носилки, катать тачки с землей люди приходили в счет своих выходных, отгулов, отпусков... А жертвуя сами, они должны были видеть, что кто-то жертвует больше них. И кто, как не мы, обязаны были сделать это... Для нас не могло остаться в жизни за пределами стройки ничего. Ничего абсолютно. Все в стройке, вся жизнь. Метро придется строить долго, многие годы, энтузиазму, чтобы не выдохнуться, необходимо топливо, необходим постоянный пример еще большего энтузиазма, и тогда люди все сдюжат, все вынесут на своих плечах.

– В городе только и разговоров, что о вашем метро, – сказал отец.

– Ну, это понятно.

– За границей о вас пишут. Мне вот один наш врач, зная, что ты мой сын, газету тут на днях передал. Хочешь глянуть?

Он достал из кармана газету и развернул ее на нужной странице. В заголовке, крупно набранном чужими буквами, я сумел прочитать только одно слово: «метрополитен».

– Переведи, – попросил я.

Сам я так и не знал никакого языка, кроме родного. Некогда было выучить. Не успел.

Отец перевел заметку, и я спрятал газету за пазуху, под ватник. Товарищам моим будет приятно подержать ее в руках, найти свои фамилии в тексте. А Волхв, кстати, и переведет для них заметку заново.

– Ну, давай, сын, – потянулся обняться со мной на прощание отец. Обнял и, похлопывая по спине, сказал: – Вы молодцы, молодцы... Нужно дело делаете, вам это зачтется.

Чайник, когда я пришел в наш вагончик, уже вскипел, и у стола было полно. На пироги прибежали все, кто жил тут, на стройке. И от того, что я принес, во мгновение ока не осталось и крошки. Имевшиеся у нас деньги давно кончились, закупать продукты нам было не на что, мы перебивались тем, что приносили с собой для общего котла, приходя на стройку, все прочие люди, и были, в общем-то, постоянно полуголодны.

Волхв перевел вслух заметку из принесенной мною газеты, мы немного пообсуждали ее, и подошло время идти в котлован. Туман начал рассеиваться, воздух опрозрачнел, и из окна вагончика было видно, что на площадке на краю котлована уже толпилось человек сорок, прибывших сегодня на работу из города.

2

Днем, незадолго перед обеденной порой, когда я был в шахте, ставил, отбивая руки кувалдой, крепь в только что отвоеванном у земли куске туннеля, меня вызвали наверх.

На том же самом месте, где утром стояла подбористая машина отца, чернели сейчас три большие осадистые зверюги, в каких ездили руководители города. Около вагончиков, зорко простреливая глазами все свободное пространство вокруг них, бродило несколько молодых людей с военной выправкой.

Воды ни в одном из рукомойников не было. Ее всю израсходовали утром, а новую еще не подвезли, и мне с Магистром и Рослым, тоже работавшими под землей, побренчав сосками, пришлось пойти на встречу в том виде, в каком мы поднялись, – с грязными руками и перемазанными лицами.

Делегацию дома власти возглавлял сам глава города. Вместе с ним приехало еще четверо. С нашей стороны Волхв выставил тоже пятерых.

– Что? Все? – недовольно спросил глава города, когда мы с Магистром и Рослым вошли в вагончик.

Остальные руководители потянулись к нам было здороваться, но подать грязные руки мы им не могли и ответили лишь демонстрацией своих лапищ.

Мы сели к столу, и глава города, пристукнув крупными толстыми пальцами, сказал все тем же недовольным голосом:

– Давайте сразу к сути. У нас еще важных дел полно. Доложи, – кивнул он одному из приехавших.

Руководители города прибыли к нам с ультиматумом. Отныне, заявили они, пятьдесят процентов того, что производится из сэкономленного, выгаданного, сверхурочного, будет у нас изыматься. Металл, цемент, лес...

– Это будет по справедливости, – не давая никому возразить, сказал глава города, едва тот, что предъявлял ультиматум, умолк. – Оказывается, у нашей промышленности громадные резервы. Вы их вскрыли. За это вам спасибо. Но откуда у вас сырье за исключением металлолома? На чем оборудовании тот же цемент производится? То-то и оно! Пятьдесят процентов – это еще по-божески.

Рослый не выдержал и ворвался в речь главы города, перекрыв его голос своим:

– Даете вы, а! Да совесть у вас есть? Мало того, что палец о палец для метро не ударили, на чужой хребтине едете, так вы еще и урвать хотите! Не сеяли, не жали, а ложку приготовили!

– Ну, это вы позвольте! Это вы позвольте! – все повторял, пытаясь остановить его, один из приехавших с главой города. И когда Рослый умолк, прокричал: – Это как это палец о палец не ударили? Это вы позвольте! А откуда вы электроэнергию берете? Из атмосферы? Ничего подобного, из городской сети!

Магистр, невозмутимо-спокойный обычно, словно бы даже замкнуто-высокомерный, сидел с иронической, веселой усмешкой на губах.

– То, что вы собираетесь сделать, – сказал он своим внятным, ясным голосом, – называется, на вашем же кабинетном языке, «перекрыть кислород». Попросту удушить. Забава, достойная палача. Не мытьем, решили, так катаньем?

– Слушайте! – обращаясь к главе города, преданно ища глазами его глаза, возмущенно воскликнул тот, что предъявлял ультиматум. – Ведь они нас оскорбляют! Забава палача, видите ли!

Глава города дал ему заглянуть себе в глаза и перевел взгляд на Магистра.

– А хоть и катаньем! – сказал он. – Именно катаньем, очень верно. Потому что никакое метро нашему городу не нужно. Во всяком случае, сейчас и в обозримом будущем. Хотите строить – ну стройте! А уж каким образом будете строить – полностью ваше дело. Наше – наше, а ваше – ваше. Пятьдесят процентов – это по-божески.

– Если вы считаете, что метро не нужно, зачем же давали тогда сообщение в газете? – спросил я.

– Вот и плохо, что дали, – бесстрастно отозвался глава города.

– Но почему-то же дали? – снова спросил я.

– Почему-то дали, – бесстрастным эхом откликнулся глава города.

– Так почему?

– Давайте без ненужных дискуссий – не достаивая меня больше ответом, сказал глава города. – Вскрылись громадные производственные резервы, и мы не можем, чтобы они пропадали впустую. Решение окончательное и обсуждению не подлежит.

Волхв, сидевший всю эту пору молча, рассмеялся.

– Ай-я-яй! – сказал он. – Эх вы блефуете: на руках шестерка, а пытаетесь сдать за туза. Никакое ваше решение не окончательное, вы вынуждены считаться с нами, оттого и приехали. Оттого и таким вот обширным составом, – повел он руками вдоль их ряда напротив нас. – Тактика запугивания? Странно. Вы же знаете, что вам это не удастся, Впрочем, еще и прискорбно. Не хочется вам строить метро! Никак не хочется! Ладно, устроились. Нашлись люди, которые взвалили на себя это дело. Так отойдите в сторону, палки-то в колеса зачем же вставлять?

Волхв умолк, и глава города, не помешавший его речи ни единым словом, ни единым движением, сказал, морщась, будто от кислого:

– Дебаты снова навязываете. Не будет вам никаких дебатов. Не согласитесь на отчисления, мы найдем способы вас заставить.

– Ту же электроэнергию – возьмем и отключим, – вставился один из приехавших, до этого момента не произнесший ни звука.

– Да, ту же электроэнергию, – подтвердил глава города. – Много способов, о чем говорить.

Рослый изо всей силы ударил кулаком по столу:

– Монстры! Вы же монстры! Сосете кровь, и все вам мало: вот бы еще одну жилку перекусить!

– Ну, это вы позвольте! – закричал тот, что уже говорил эту фразу. – Это вы позвольте!

– Да ведь они же нас оскорбляют! – воскликнул и тот, что уже восклицал так, снова преданно ища глаза главы города.

– Они будут думать, – поднимаясь, проговорил глава города. – Такие дела с бухты-бархты не делаются. Подумайте, – поглядел он на Волхва. – Хорошенько подумайте.

Они ушли, профырчали моторами, бешено прокрутились колесами, трогаясь с места, их черные лакированные зверюги и укатили, а мы вернулись от оконца вагончика к столу, обменялись мнениями и решили безоговорочно: нет, никаких уступок, этого только не хватало!

И еще решили: об ультиматуме должны узнать все. Прямо сейчас. Чтобы разъярились. Пусть тогда попробуют свои способы... перед яростью все бессильно, пусть попробуют!

3

Вечером я не пошел на наше ежедневное заплочное бдение над инженерной документацией – я гулял с Веточкой.

– Я соскучилась, – сказала она, вызвав меня из вагончика, глядя в глаза с лукавым своим, жадным сиянием.

Мы виделись два дня назад, когда она, пропуская занятия в институте, работала на стройке; снова прийти собиралась только через неделю, тогда мы и должны были свидеться.

– Я соскучилась, – повторила она с требовательной лукавой покорностью, и попробовал бы кто отказать ей в ее желании, а мне и не нужно было отказывать, я сходил с ума уже от одного лишь сознания того, что увижу ее только через неделю.

Я сходил с ума от ее глаз, от ее радостной, открытой улыбки, от того, какая она тоненькая, хрупенькая – впрямь веточка, – но с характером при этом – ого: решительным и твердым, что сталь.

– Ну? Рассказывайте, – сказала она, искоса снизу заглядывая мне в лицо своим лукавым сиянием. – Что сделали за это время? Какие новости?

Она обращалась ко мне на «вы». Мне уже было двадцать пять, а она лишь недавно закончила школу, ей только подходило к восемнадцати, и я казался ей ужасно взрослым.

– Ага. Так вот прямо взять и рассказывать. Все равно как с трибуны.

– Ой, мне хочется послушать вас. Мне так нравится, когда вы говорите, – сказала она.

Боже, кто б устоял перед нею? А может, и устоял бы? И дело просто в том, что нашим душам изначально было уготовано потянуться друг к другу при встрече: ей – открыться мне с этой вот безоглядной светящейся прямоотой, а мне – не устоять?..

Я рассказывал о сегодняшнем приезде городских властей, об их ультиматуме и нашем решении, рассказывал, как мы боролись сегодня с водяной линзой, на которую наткнулись при проходке шахты, она слушала, время от времени заглядывая мне в лицо обжигающим своим сиянием, мы шли по тускло освещенным ночным улицам неизвестно куда, сворачивали, возвращались, снова поворачивали, и порой я замечал, как она, переступив ногами, принаравливает свой шаг к моему.

Мелкий, крапчатый осенний дождичек высеялся из ночного небесного мрака. Покалывало водяной взвесью лицо, попадало на руки, за шиворот.

Зонта у нас не было, и мы зашли в подъезд какого-то дома.

Желто светили лестничные лампочки, стены были исписаны и искорябаны всякими надписями, около бачка для пищевых отходов между маршами громоздилась куча мусора.

– Ой, ну почему у нас везде так, – с улыбкой неловкости, будто это был ее дом, кивнула Веточка в сторону кучи. Мы хотели остановиться тут, на этой площадке, но из-за мусора пошли дальше, наверх. – И у нас в подъезде то же самое. Словно бы людям все равно, как они живут.

– Построим метро – и везде станет иначе, – сказал я.

– Да? – удивилась она. – Какая же тут связь?

– Такая же, как между этим мусором и нынешним кошмаром в автобусах и трамваях.

– Д-да? – снова непонимающе протянула она.

Мы поднялись на следующую площадку между маршами, здесь только что-то хрустело под ногами, вроде осыпавшейся штукатурки, но в остальном было чисто, и мы здесь остановились.

– Это общая атмосфера, – сказал я. – Ее действие. Понимаешь? Если скверно там, будет скверно и тут. Человек не может быть безнравствен в одном месте и нравствен в другом. Если он лезет по головам в трамвае, спеша на работу, дома у себя он будет валить мусор куда угодно. Это закон. И когда мы построим метро, гду будет чисто, светло, красиво, никакой давки и тесноты, тепло зимой и летом, а поезда будут ходить как часы, будет царствовать порядок, скорость и комфорт, – это тотчас отзовется на всей жизни. Человек не может быть одним здесь и другим там.

И еще и еще говорил я ей о том, как изменится жизнь с появлением метро, насколько она станет чище, светлее, нравственнее – я мог говорить об этом сколько угодно. Впрочем, заговорив об этом, я уже не мог остановиться..

Мы простояли в подъезде часа два. Дождь кончился, я проводил ее до дому и побежал к себе в вагончик на стройку. «Побежал, убегаю», – говорят иногда про себя, имея в виду, что торопятся, спешат, но я именно бежал.

Я не мог просто идти, пусть и быстро, меня распирала жажда движения, я чувствовал себя сильным, здоровым, счастливым, просто идти – этого было мне мало.

Ночь стояла вокруг, черны были окна домов, пустынные улицы, и я бежал, мерно работая ногами и руками, ногами и руками, они ходили у меня взад-вперед, взад-вперед, как шатуны, я бежал и думал о том, что мы построим метро, построим, чего бы нам это ни стоило! Я женюсь на Веточке, и мы построим его, построим! Как бы власти ни мешали нам. Мы построим чудесное, красивое метро, и Веточка родит мне детей, мальчика и девочку, а может быть, троих, четверых! Ни в одном городе мира не будет такого метро, как у нас, такого светлого, великолепного, праздничного! Да, нам нужно метро не просто как транспорт, а как дворец, как храм, чтобы он стал символом высоты нашего духа, его величия, его мощи, неукротимости! И мы будем приходить с Веточкой и нашими подрастающими детьми в подземные прекрасные залы, и будем любоваться ими, и будем рассказывать детям, как все начиналось и как трудно было, но мы все одолели, все пересилили – и вот вы теперь имеете это!

Как жаль мне тех, кто не испытал в молодости подобных чувств!

Как жаль!

Глава третья

1

Молодых людей с одинаково настроенными, нервно-внимательными глазами и военной выправкой мы заметили около стройки дня через три, как был окончательно отвергнут ультиматум властей. Уже стояла зима, земля была укрыта снегом, и их черные празднично-шатающиеся фигуры на белом снежном фоне так и бросались в глаза. Ни с кем из нас они не заговаривали, стояли на своих обусловленных местах или фланировали по намеченному маршруту и, если приходилось столкнуться нос к носу, только молчаливо и бегло улыбались, откровенно, в упор разглядывая тебя, будто ты был насекомым, чья участь – сидеть на булавке – предрешена, и дело лишь за временем.

– Какого дьявола! – кипел Рослый. – Что они шлятся? Мы тут работаем, а они – как надзиратели. Начистить им морды и пусть отсюда затылком вперед!

– Зачем? – Магистр со спокойной улыбкой пожимал плечами. – Трутся около нас и пусть трутся, пока не мешают.

Волхв кивал согласно:

– Именно, именно. Пусть трутся. Очень может быть, на то они и рассчитывают – спровоцировать нас. Очень может быть. Не обращать на них никакого внимания – лучше всего.

Что-то готовилось – это мы понимали, но что?

На стройке между тем все шло своим чередом; прибывали машины с металлом, машины с лесом, машины с бетоном, привезли в разобранном виде еще один проходческий щит, завершалось строительство наземного здания, наклонный ствол был пробит, и проходчики начали выбирать первые кубометры породы, чтобы вести горизонтальный туннель. Подступал Новый год, заворачивали морозы, снег лежал вокруг пушистыми метровыми сугробами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.